

ПОощРЕНИЕ КАК СПОСОБ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Павел Тимурович Савин, канд. юрид. наук, майор юстиции, доцент,
кафедра уголовного права и криминологии,
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А. Я. Сухарева», Москва, Россия;
paulst50@gmail.com

Рассмотрены направления предупреждения преступлений несовершеннолетних в Российской империи в период конца XIX – начала XX века, непосредственно связанные с применением поощрения, как неотъемлемого элемента отечественной уголовной политики того времени. Определено понятие несовершеннолетнего в законодательстве Российской империи, проанализированы причины роста преступности несовершеннолетних в обозначенный временной период, исследованы меры, предпринятые государством для предупреждения преступлений, с оценкой их эффективности. В результате сделан вывод о том, что поощрение в уголовном праве, реализуемое посредством применения поощрительных норм, нуждается в суде, специализирующемся на преступлениях несовершеннолетних. В то же время особенности его устройства, функционирования, взаимодействия с общественными институтами, должно в полной мере отвечать современным условиям развития общественных отношений и основным задачам государственной уголовной политики.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних; предупреждение преступлений; поощрение в уголовном праве; поощрительные нормы; ювенальная юстиция.

Введение

Вопросы предупреждения преступности несовершеннолетних представляются актуальной научной проблемой вне зависимости от того или иного исторического периода развития российского общества. Данная проблема интересовала и российских криминологов в конце XIX – начале XX столетий. Они осознавали, что основной причиной преступности несовершеннолетних являлось их тяжелое социально-экономическое положение, обусловленное объективными факторами окружавшей их действительности, когда сельское население было вынуждено по новым железным дорогам массово переселяться в города в поисках рабочих мест, удовлетворяя потребности растущей промышленности, которая нуждалась, в том числе, и в низкооплачиваемом, низкоквалифицированном труде. Государство предпринимало активные меры, направленные на исправление несовершеннолетних правонарушителей, стремясь предупредить рост преступности в их среде. Сначала речь шла о приютах и иных исправительно-

учебных заведениях. Затем стали образовываться общества патроната, и общественность была вовлечена в рассматриваемый процесс. Так, государство совместно с обществом встало на путь борьбы с преступностью несовершеннолетних. В начале XX века были образованы специализированные суды по делам несовершеннолетних, введены статусы должностных и поверенных попечителей. Например, несовершеннолетний, ранее признанный виновным в совершении кражи, мог не просто избежать наказания в виде лишения свободы, но фактически получал возможность приобрести рабочую специальность, получить рабочее место и даже решить свои жилищно-бытовые проблемы. Значение поощрения в российском уголовном праве возросло настолько, что о проведенном эксперименте докладывалось на международных научных форумах, в том числе проводимых в рамках Международного союза криминалистов.

Основная часть

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что понятие несовершеннолетнего в настоящее время несколько отличается от соответствующего понятия рубежа XIX – XX столетий. В конце XIX века в российской уголовно-правовой науке молодость подразделялась на три семилетних периода, каждому из которых было характерно определенное соматическое и психическое развитие. В основе данного разделения лежала система климатерических периодов, предполагавшая кардинальные физические и духовные изменения человеческого организма в семилетние периоды. Детство длилось до 7 лет, ему приходило на смену отрочество, заканчивавшееся в 14 лет, после чего до 21 года протекала юность [3, с. 11–12].

В Уложении 1845 года «О наказаниях уголовных и исправительных» следует обратить особое внимание на ст.ст. 100, 140, 142, 143. Возраст уголовной ответственности наступал с 7 лет, однако возраст уголовного наказания наступал лишь с 10 лет. Лица, совершившие преступление в возрасте с 7 до 10 лет, передавались под надзор родителям или иным благонадежным родственникам. В случае совершения преступления лицом в возрасте от 10 до 14 лет каждый раз решался вопрос о способности конкретного виновного понимать содеянное. При отсутствии данной способности указанные лица приравнивались 7-10-летним и также передавались под присмотр родственникам. Также для домашнего исправления передавались лица в возрасте от 14 до 21 года, совершившие неосторожные преступления. В целом, как и в настоящее время, для несовершеннолетних преступников было предусмотрено более мягкое наказание, чем для совершеннолетних. Малолетство и несовершеннолетие виновного рассматривалось как «смягчающее вину» обстоятельство. Само название Уложения 1845 года демонстрировало наличие двух различных наказаний для несовершеннолетних: уголовного наказания и домашнего исправительного наказания [11, с. 21 – 30].

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (Мировой Устав), 1864 г. выделил три иных периода несовершеннолетия: 10 – 14 лет; 14 – 17 лет; 17 лет – 21 год [9, с. 499 – 536]. Согласно Закону от 2 июня

1897 г. «Об изменениях форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних», возраст несовершеннолетнего до 10 лет был признан безусловной невменяемостью, что исключало возможность уголовного преследования. Указанные изменения были обусловлены изменениями социально-экономического характера, среди которых существенное значение имела отмена крепостного права [12].

Следует обратить внимание на то, что в конце XIX – начале XX вв. российские криминологи выявили последовательный рост преступлений несовершеннолетних, начиная с 1884 года. Существенно увеличилось число преступников в возрасте до 18 лет, а соответственно и осужденных несовершеннолетних. При этом 83 % осуждены за кражу, что в совокупности с другими обстоятельствами свидетельствовало об экономическом неблагополучии населения. Подобная ситуация, сложившаяся на тот момент в Российской империи, резко контрастировала с данными криминологов из иных европейских стран, в которых преступность несовершеннолетних постепенно снижалась [4].

Представляется, что обозначенный существенный рост преступности несовершеннолетних в России являлся как результатом отмены крепостного права, так и развития промышленности в крупных городах. В определенной степени сказывалось и развитие отечественной сети железных дорог. В ситуации, когда предложение на рынке низкоквалифицированного труда в определенной мере превышало его спрос, несовершеннолетние лица, многие из которых прибыли в крупные города из сельской местности, нередко проигрывавшие естественную конкуренцию взрослым, оказывались в заведомо сложном социально-бытовом положении. У несовершеннолетних стоял вопрос об их фактическом выживании, а не об образовании или ином просвещении, что находило свое выражение в крайне низком уровне их культурного развития.

При этом несовершеннолетние в надежде на заработки, прибывшие в крупные города из сельской местности и вынужденные искать противоправные источники дохода, зачастую занимались бродяжничеством и хищениями, все более деградируя. С учетом сопутствующих факторов, связанных с проституцией, широким распространением сифилиса и иных заболеваний, а также алкогольной зависимости, несовершеннолетние последовательно переходили от ненасильственных форм хищения к насильственным, в конечном итоге совершая в том числе и преступления против половой свободы и неприкосновенности, против жизни и здоровья личности.

Так Б. И. Бентовин, обращая внимание на источники аморального поведения несовершеннолетних, особое внимание уделял условиям их жизни. В сельской местности крестьяне вынуждены были всей семьей проживать длительные зимние месяцы в однокомнатных избах, где соседствовало сразу несколько поколений. В крупных городах ситуация с жилищно-бытовыми условиями была еще хуже, когда в угловых квартирах, разнообразных ночлежках и трущобах вынужденно проживали различные и неродственные друг другу люди. Именно там несовершеннолетние в юном возрасте становились свидетелями половых отношений, что сказывалось

на их дальнейшем развитии. Перепись населения Москвы 1907 года показала, что в трущобах проживало порядка 10 % ее населения – 175 тысяч человек, в том числе свыше 38 тысяч детей, среди которых был весьма распространен алкоголизм. Из 222 мальчиков в возрасте от 8 до 13 лет алкоголь употребляли 75 %, при этом 68 % употребляли водку систематически. Из 159 девочек в возрасте от 8 до 15 лет алкоголь употребляли 93 % [2, с. 35 – 37].

В Российской империи, учитывая возраст и незрелость сознания и воли несовершеннолетних, законодатель и правоприменитель шли несовершеннолетнему навстречу, стараясь следовать принципу экономии уголовной репрессии. Так, в «Инструкции чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений», изданной на основании циркулярного указа Общего собрания Первого и Кассационных Департаментов Правительствующего Сената от 13 июня 1872 года прокурором Харьковской судебной палаты А. А. Крыловым в 1914 году, дается указание о том, что несовершеннолетних в возрасте от 10 до 14 лет, подозреваемых в совершении преступления, при необходимости избрания им меры пресечения в виде заключения под стражу, возможно поместить исключительно в воспитательно-исправительное учреждение, колонию либо приют. При невозможности осуществления сказанного, подозреваемого несовершеннолетнего следует передать под ответственный присмотр родителям, попечителям или иным изъявившим на то согласие благонадежным лицам. В то же время лица в возрасте от 14 до 17 лет, совершившие преступления, за которые предусмотрено лишение всех прав состояния, могут быть помещены только в воспитательно-исправительные заведения, а там где они отсутствуют – в особые помещения при тюрьмах или арестных домах. В ситуациях, когда ни одна из обозначенных мер невозможна, несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет следовало поместить в монастыри их вероисповедания, при условии согласования этого с соответствующим церковным архиереем [7, с. 45–46].

При этом оценить эффективность деятельности соответствующих приютов в полной мере позволяют сохранившиеся исторические источники. В 1870-е годы Российская империя существенно отставала от остальных европейских стран в деле организации специализированных воспитательно-исправительных учреждений, но проблема преступности несовершеннолетних и необходимости ее предупреждения уже стояла на повестке дня и интересовала российских ученых. Так, А. М. Богдановский, осознавая возможность исправления несовершеннолетних преступников посредством направления их в специальные закрытые школы-колонии вместо тюрем, исследовал и описал деятельность соответствующих учреждений Франции, Бельгии, Германии, Швейцарии, Англии и США, в том числе гамбургского Сурового дома и колонии Фредерика-Огюста Демеца и Николы де Куртейля возле французского города Тура [3, с. 160 – 247].

В то же время организация подобного учреждения в Москве – Рукавишниковского приюта, так и не дала соответствующих высоких результатов. Несовершеннолетние преступники Москвы конца XIX – начала XX вв. имели определенные точки притяжения, такие как Хитров рынок, называемый ими «Хива» или Смоленский рынок – «Смолега». Если обра-

тратить внимание на состав лиц, содержащихся в Рукавишниковском приюте за 1903 – 1907 гг., то порядка 78 % относились к сословию крестьян; 69 % не окончили начальной школы; 93 % обвинялись в совершении кражи в г. Москве; 44 % являлись уроженцами Москвы, в то время как 49 % приехало в Москву из сел и деревень ближайших к ней губерний и 7 % – из других городов; 50 % совершили новые преступления в первые годы, после того как были выпущены из приюта [5, с. 1 – 33].

Анализ деятельности Рукавишниковского приюта говорит о его слабой эффективности. Половина покинувших его воспитанников вновь была вовлечена в преступную деятельность на территории города Москвы. Очевидно, проблемы были связаны с организацией самого процесса исправления несовершеннолетних, в самом отношении к ним, которое становится очевидным из представленного отчета о деятельности приюта. В представленном документе город противопоставляется деревне, а уровень интеллекта и способности к исправлению напрямую поставлены в зависимость от наследственности и даже более того – сословной принадлежности. В то же время все же следует обратить внимание на разницу между проблемами, с которыми в вопросах исправления сталкивался персонал того же немецкого Сурового дома, иных аналогичных зарубежных учреждений, и с проблемами, которые решал коллектив Рукавишниковского приюта. Дело действительно состояло определенным образом в контингенте воспитанников. В стране повсеместно наблюдалось наследие крепостного права, когда крестьяне, получив личную свободу, фактически не получили земли, вынужденно превращаясь в батраков на землях помещиков либо в заводских рабочих. Наблюдалась соответственно и проблемы с грамотностью сельского населения, которому зачастую было не до учебы.

Именно по причине социальной непродуманности исправительно-воспитательного процесса система, действовавшая в приютах, была обречена на крайне низкие положительные итоговые показатели. Изъятый с улицы воспитанник, признанный виновным в совершении кражи, в конечном итоге возвращался из приюта на улицу, в ту же безысходную ситуацию, обусловленную переизбытком предложения низкоквалифицированных кадров на рынке труда, постоянно пополнявшимся приезжими крестьянами из близлежащих к Москве губерний. Обеспечить молодого человека работой, а равно решить его жилищно-бытовые проблемы, в задачи деятельности приюта не входило. Следовательно, предоставленный сам себе, он возвращался к прежней преступной деятельности, характеризующейся кражами, грабежами, а по достижении более зрелого возраста уже и с разбоями, насильственными преступлениями против личности. В начале XX века произошло существенное снижение возраста лиц, признанных виновными в совершении изнасилования. Так, в 1913 году в 15 изнасилованиях, произошедших в Воронежской губернии, приняло участие 19 человек, половина из которых на момент совершения преступлений являлась несовершеннолетними [1, с. 25 – 43].

Повсеместный рост преступности несовершеннолетних потребовал от государства принятия качественно новых мер по предупреждению их совершения, и основной акцент государственной уголовной политики был

сделан на поощрение. Так, закон об исправительно-воспитательных заведениях от 19 апреля 1909 года предоставил несовершеннолетним, которые были осуждены к лишению свободы на срок от одного до восьми лет, возможность досрочного освобождения от наказания по представлению педагогических советов исправительно-воспитательных заведений с последующим направлением их на обучение на заводы либо на сельскохозяйственные работы [6, с. 19 – 29].

Для повышения эффективности принимаемых мер в Санкт-Петербурге, а затем и в Москве были созданы специализированные суды по делам несовершеннолетних. В то время как надзор за освобожденными несовершеннолетними был передан обществу патроната, на средства местного самоуправления из числа народных учителей Санкт-Петербурга были наняты шесть должностных попечителей, между которыми были распределены районы города. В работе им помогали 40 добровольных попечителей, действовавших на безвозмездной основе. Попечители входили в отделение общества патроната, организованное при суде, что позволяло им взаимодействовать с различными благотворительными организациями, а также обществами защиты детей. Попечитель выполнял отдельные поручения судей по надзору за несовершеннолетними, помогал в расследовании уголовных дел. Попечитель вел строгую отчетность, внося в специальную попечительскую книгу данные о подопечных и результатах работы с ними. Попечитель был обязан ежемесячно посещать несовершеннолетнего, помогая ему решать жилищно-бытовые проблемы. На еженедельных собраниях, попечители обсуждали самые сложные ситуации и определяли направления их решения. Суд по делам несовершеннолетних г. Санкт-Петербурга уже за первые четыре месяца своей работы рассмотрел более тысячи дел. При этом наказание в виде лишения свободы было назначено в двадцати случаях, что, по мнению П. И. Любомирского, наилучшим образом характеризовало успех проведенного государством эксперимента [6, с. 34 – 45].

В Москве специализированный суд по делам несовершеннолетних начал свою работу на два года позже Санкт-Петербургского. Первоначально в Москве выделили всего пять районов, но в дальнейшем расширили их количество до девяти. В каждом из них работало от двух до девяти добровольных и должностных попечителей. Впоследствии, один из попечителей Г. Г. Черкезов написал очерк о достигнутых результатах, оценивая работу «детского» суда и института попечительства как успешную. Не называя фамилии несовершеннолетних, автор очерка кратко излагает истории несовершеннолетних преступников. Так, 12-летний К. Б., проходивший в попечительской книге под № 4081, являлся сиротой, нищенствовал, не имея средств к своему существованию – крал все что мог. 14-летний А. Ч., по попечительской книге № 282, окончил четыре класса училища, в течение полутора лет предпринимал безуспешные попытки трудоустроиться на завод. В итоге А. Ч. стал посещать трактиры, завел знакомства с представителями преступного мира, в течение месяца совершил три кражи. Направлен следователем в подследственное отделение при Сокольнической исправительной тюрьме. По ходатайству попечителя несовершеннолетний освобожден и устроен на работу в таможенный орган [13].

Заключение

Государство, заведомо не заинтересованное в массовом направлении несовершеннолетних в места лишения свободы, предпринимало самые разнообразные меры, направленные на исправление несовершеннолетних преступников иными способами. Общества патроната, приюты и иные воспитательно-исправительные учреждения не в полной мере справлялись с поставленной государством задачей, демонстрируя в своих отчетах высокий уровень рецидивной преступности несовершеннолетних, что являлось следствием непродуманной системы общей и частной превенции, которая теряла свою функциональность из-за отсутствия категорически важных структурных элементов.

Таким образом, в результате развития российской уголовно-правовой науки выход был найден в перестройке системы исправления несовершеннолетних посредством внедрения в нее новых элементов и построения взаимосвязи между ними. В качестве эксперимента в Санкт-Петербурге, а затем и в Москве создавались специальные суды по делам несовершеннолетних, опиравшиеся в своей деятельности на должностных и добровольных попечителей из числа благонадежных подданных. Указанные лица взаимодействовали как с судом, выполняя его отдельные поручения, связанные в том числе с оказанием помощи в расследовании преступлений, так и с различными общественными организациями, такими как общества патроната, совместно занимаясь вопросами трудоустройства несовершеннолетних и решения их жилищно-бытовых проблем. Фактически речь шла о том, что интеллигенция при поддержке государства предоставляла лучших своих представителей в качестве кураторов юных правонарушителей в целях определенного переформатирования общества. К сожалению, данный социальный эксперимент был прерван революционными событиями, после которых о нем забыли.

В новом государстве, безусловно, уделялось внимание предупреждению преступлений несовершеннолетних, вновь работали различные учебно-исправительные заведения, такие как коммуна А. С. Макаренко, в которой нередко применялись прогрессивные авторские педагогические методики, не имевшие зарубежных аналогов [10]. Однако специализированного суда как связующего элемента системы профилактики преступности несовершеннолетних уже не существовало. В настоящее время его нет в нашей судебной системе, и в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) рекомендуется привлекать к рассмотрению преступлений несовершеннолетних именно судей, имеющих практический опыт подобных судебных разбирательств [8]. Представляется целесообразным повторить эксперимент Российской империи в вопросах ювенальной юстиции. Поощрение в уголовном праве, реализуемое посредством применения поощрительных норм, нуждается в суде, специализирующемся на преступлениях несовершеннолетних. В то же время особенности его устройства, функционирования, в том числе связанного с вопросами взаимодействия с общественными институтами, должно в полной мере отвечать современным условиям развития общественных отношений и основным задачам государственной уголовной политики.

Список литературы

1. **Безгин В. Б.** «Против воли ее и согласия»: изнасилование и растление в крестьянской среде и их уголовное преследование (конец XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2015. № 3(45). С. 25 – 43.
2. **Бентовин Б. И.** Торгующие телом: Очерки современной проституции. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Электронпеч. Я. Кровицкого, 1909. 234 с.
3. **Богдановский А. М.** Молодые преступники. Вопрос уголовного права и уголовной политики. 2-е изд., испр. и доп., с прил. регламента Метрэйской колонии и проекта Устава Одесского исправительного приюта. Санкт-Петербург: Тип. А. Моригеровского, 1871. 301 с.
4. **Бражников Д. А., Шиян В. И.** Криминологические исследования преступности несовершеннолетних в Российской империи XIX – начала XX века // Общество и право. 2017. № 3(61). С. 86 – 89.
5. **Радонежский Д. Н.** Временник Демидовского юридического лица. Кн. 108: Малолетние преступники Москвы: по данным Рукавишниковского приюта за 1903 – 1907 годы и Отделения малолетних Городского работного дома и Дома трудолюбия за 1908 – 1909 годы. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1912. 44 с.
6. **Доклады** Вашингтонскому тюремному конгрессу: представлены Комиссией Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете и Русской группы Международного союза криминалистов. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. 101 с.
7. **Крылов А. А.** Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений // (Соч.) Прокурора Харьковской судебной палаты А. А. Крылова. Харьков: Тип. Печатное дело, 1914. 180 с.
8. **О судебной практике** применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) // Российская газета. № 29. 11.02.2011.
9. **Россия. Законы и постановления.** Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с разъяснением их по решениям кассационных департаментов Правительствующего сената: Судебные уставы двадцатого ноября тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года, с разъяснением их по решениям кассационных департаментов Правительствующего сената: карманное (неофициальное) издание. Санкт-Петербург: Тип. К. Вульфа, 1867. 722 с.
10. **Савин П. Т.** Коллективизм как предпосылка правомерного либо девиантного поведения: вопросы предупреждения преступлений несовершеннолетних // Российский следователь. 2024. № 12. С. 53 – 56.
11. **Уложение** о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Тип. Второго Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1845. 592 с.
12. **Чапурко Т. М., Лысенко А. В.** Установление возраста уголовной ответственности в истории развития российского уголовного законодательства (до 1918 года) // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2007. № 25. С. 197 – 216.
13. **Черкезов Г. Г.** Детский суд в Москве и борьба с детской преступностью (деятельность Московского Суда по делам о малолетних за первый год существования). Москва: Тип. Культура, 1913. 17 с.

References

1. **Bezgin V.B.** [“Against her will and consent”: rape and corruption among the peasants and their criminal prosecution (late 19th – early 20th centuries)], *Novyy istoricheskiy vestnik* [Novyi istoricheskii vestnik], 2015, no. 3(45), pp. 25-43. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Bentovin B.I.** *Torguyushchiye telom: Ocherki sovremennoy prostitutsii* [Body traders: Essays on modern prostitution], Moscow: L. Krumbyugel', 1907, 200 p. (In Russ.)
3. **Bogdanovskiy A.M.** *Molodyye prestupniki: vopros ugolovnoy prava i ugolovnoy politiki* [Young criminals: the issue of criminal law and criminal policy], St. Petersburg: Tip. A. Morigerovskogo, 1871, 301 p. (In Russ.)
4. **Brazhnikov D.A., Shiyani V.I.** [Criminological studies of juvenile delinquency in the Russian Empire of the 19th – early 20th centuries], *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2017, no. 3(61), pp. 86-89.
5. **Radonezhskiy D.N.** *Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya. Kniga 108: Maloletniye prestupniki Moskvy: po dannym Rukavishnikovskogo priyuta za 1903-1907 gody i Otdeleniya maloletnikh Gorodskogo rabotnogo doma i Doma trudolyubiya za 1908-1909 gody* [Vremyanik of the Demidov Law Lyceum. Book 108: Juvenile criminals of Moscow: according to the Rukavishnikovsky shelter for 1903-1907 and the Department of minors of the City workhouse and the House of Industry for 1908-1909], Yaroslavl': Tip. Gubernskogo pravleniya, 1912, 44 p. (In Russ.)
6. **Doklady** *Vashingtonskomu tyuremnomu kongressu: predstavleny Komissiyey Yuridicheskogo Obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete i Russkoy gruppy Mezhdunarodnogo soyuza kriminalistov* [Reports to the Washington Prison Congress: presented by the Commission of the Law Society at the Imperial St. Petersburg University and the Russian group of the International Union of Criminologists], St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1912, 101 p. (In Russ.)
7. **Krylov A.A.** *Instruktsiya chinam politsii po obnaruzheniyu i issledovaniyu prestupleniy* [Instructions for police officers on the detection and investigation of crimes], Khar'kov: Tip. Pechatnoye delo, 1914, 180 p. (In Russ.)
8. **Rossiyskaya gazeta** [Rossiyskaya Gazeta], no. 29. 11.02.2011. (In Russ.)
9. **Rossiya. Zakony i postanovleniya** [Russia. Laws and Regulations], St. Petersburg: Tip. K. Vul'fa, 1867. 722 p. (In Russ.)
10. **Savin P.T.** [ollectivism as a Prerequisite for Lawful or Deviant Behavior: Issues of Preventing Juvenile Crime], *Rossiyskiy sledovatel'* [Rossiyskiy Investigator], 2024, no. 12, pp. 53-56. (In Russ., abstract in Eng.)
11. **Ulozheniye o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh** [Code of Criminal and Correctional Punishments], St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstv. Ye. I. V. Kantselyarii, 1845, 592 p. (In Russ.)
12. **Chapurko T.M., Lysenko A.V.** [Establishing the age of criminal responsibility in the history of the development of Russian criminal legislation (before 1918)], *Nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Scientific journal of the Kuban State Agrarian University], 2007, no. 25, pp. 197-216. (In Russ., abstract in Eng.)
13. **Cherkezov G.G.** *Detskiy sud v Moskve i bor'ba s detskoyu prestupnost'yu: deyatel'nost' Moskovskogo Suda po delam o maloletnikh za pervyy god sushchestvovaniya* [Children's court in Moscow and the fight against juvenile crime: the activities of the Moscow Juvenile Court during the first year of its existence], Moscow: Tip. Kul'tura, 1913, 17 p. (In Russ.)

Incentive as a Way to Prevent Juvenile Crime: Positive Experience of the Russian Empire

P. T. Savin, *Cand. Sci. (Law), Major of Justice, Associate Professor,
Department of Criminal Law and Criminology,
Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Moscow, Russia;
paulst50@gmail.com*

The article considers the directions of prevention of juvenile delinquency in the Russian Empire during the late 19th - early 20th centuries, directly related to the use of incentive as an integral element of domestic criminal policy of that time. The author defines the concept of a minor in the legislation of the Russian Empire, analyzes the reasons for the growth of juvenile delinquency in the designated time period, and examines the measures taken by the state to prevent crime, assessing their effectiveness. As a result, the author comes to the conclusion that incentive in criminal law, implemented through the application of incentive norms, needs a court specializing in juvenile crime. At the same time, the peculiarities of its structure, functioning, interaction with public institutions, should fully meet the modern conditions of development of social relations and the main objectives of the state criminal policy.

Keywords: juvenile delinquency; crime prevention; incentive in criminal law; incentive norms; juvenile justice.

© П. Т. Савин, 2025

Статья поступила в редакцию 20.01.2025

При цитировании использовать:

Савин П. Т. Поощрение как способ предупреждения преступлений несовершеннолетних: положительный опыт Российской империи // *Право: история и современность*. 2025. Т. 9, № 1. С. 22 – 31. doi: 10.17277/pravo.2025.01.pp.022-031